

Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 21–47.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит?*

А.А. Киреева

Аннотация. В статье анализируется современный этап сближения в отношениях Китая и Японии, который наступил в 2017–2019 гг. Данная статья ставит целью охарактеризовать изменения в отношениях Китая и Японии и объяснить их причины и характер. В начале анализируются ключевые характеристики китайско-японских отношений до начала улучшения. В результате обострения территориального спора и ряда других факторов, обе страны стали воспринимать друг друга как угрозу безопасности и проводить политику балансирования, а тренд на стратегическое соперничество стал преобладающим в их региональном взаимодействии. Ключевыми факторами сближения послужили: стремление Китая улучшить отношения с Японией в результате ухудшения китайско-американских отношений и усиления стратегического соперничества на Индо-Тихоокеанском пространстве, стремление Японии хеджировать риски, связанные с непоследовательной политикой президента США Д. Трампа, заинтересованность обеих стран в расширении экономического сотрудничества, в особенности со стороны Китая вследствие ухудшения экономической ситуации, стремление двух государств стабилизировать взаимодействие в Восточно-Китайском море и избежать военного конфликта, наличие сильных лидеров и консолидация власти в обеих странах, некоторое улучшение общественного мнения КНР по отношению к Японии. Делается вывод о том, что положительную динамику в отношениях Японии и Китая в 2017–2018 гг. следует рассматривать как нормализацию политического диалога и восстановление нормальных контактов. В условиях отсутствия трансформации стратегий обеих стран в области политики и безопасности и сохраняющейся дилеммы безопасности говорить о серьезном улучшении отношений преждевременно. Ни одна из сторон не изменила своей позиции по спорным островам в Восточно-Китайском море, и они всё ещё остаются стратегическими соперниками за региональный порядок в Азии. Речь скорее идет о менеджменте конфликтных отношений, а не о разрешении существующих споров. Наиболее вероятно ограниченное улучшение отношений Китая и Японии, в выгодных обоим странам формах, не перетекающее тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Япония, китайско-японские отношения, Восточная Азия, Индо-Тихоокеанский регион, США, Абэ Синдзо, Си Цзиньпин.

Автор: Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00140.

A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?*

A.A. Kireeva

Abstract. The article seeks to analyze a new stage in China-Japan relations in 2017–2019 and provide an assessment of the rapprochement in bilateral relations, explain its causes and characterize its depth. The paper begins by analyzing the key characteristics of the relationship before the current period. As a result of the escalation of the territorial dispute and a number of other factors, both China and Japan increasingly viewed each other as security threats and employed a balancing strategy. Strategic competition in Asia became a dominant trend. The following factors contributed to the rapprochement: China's desire to mend fences with Japan as a result of deteriorating China–US relations and exacerbating strategic competition in the Indo-Pacific, Japan's wish to hedge the risks of Donald Trump's inconsistent policy, the interest of both states in expanding economic cooperation, in particular that of China following its economic downturn, the aspirations of the two countries to stabilize their interaction in the East China Sea and avert military escalation, strong leadership and consolidation of power by both nations' leaders, a certain improvement in the attitude of China's population towards Japan. A conclusion is drawn that the positive dynamics between China and Japan should be regarded as a normalization of political dialogue and restoration of normal contacts. With no serious transformations of China's or Japan's foreign policy and security strategies, it is too early to conclude that a tangible rapprochement is actually taking place. Neither party changed its position on the territorial dispute and they remain strategic competitors for the regional order in Asia. The current stage should be more accurately characterized as conflict management, not conflict resolution. It is likely that a certain improvement of China-Japan relations is to continue in the forms beneficial to both states. However, it is unlikely to transform into tangible rapprochement, with strategic competition in the Indo-Pacific persisting.

Keywords: China, Japan, China-Japan relations, East Asia, Indo-Pacific, US, Abe Shinzo, Xi Jinping.

Author: Kireeva Anna A., PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Китай и Япония являются ключевыми ведущими державами в Восточной Азии и второй и третьей экономикой мира по объёму номинального ВВП, при этом отношения стран характеризуются сосуществованием трендов стратегического соперничества и стратегического партнёрства при преобладании первого. Для описания японо-китайских отношений длительное время использовалась формула «холодная политика и горячая экономика» (яп. *сэйрэй кэйнкэцу* / кит. *чжэнлэн цзинжэ*): это означало, что существует серьёзные политические разногласия и активное экономическое сотрудничество. Высокий уровень экономической взаимозависимости, гуманитарные и культурные обмены всё это время служили стабилизирующим фактором двухсторонних отношений, но самих по себе их оказалось недостаточно для того, чтобы предотвратить усиление напряжённости и соперничества в сферах политики и безопасности [Takahara, 2017, p. 27–57]. Отношения двух стран сильно ухудшились в результате обострения территориального спора в Восточно-

* This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant number 18-78-00140.

Китайском море вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г.¹ Двусторонние отношения стали характеризоваться антагонизмом, а региональное взаимодействие стало демонстрировать преобладание стратегического соперничества.

Начиная с 2017 г. в отношениях Китая и Японии можно наблюдать признаки потепления. С. Абэ занял кардинально отличающуюся от прежней позицию, когда объявил о возможности участия Японии в китайской Инициативе пояса и пути (ИПП). Во время встречи на полях саммита АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 г. лидеры двух стран согласились дать отношениям новый старт. В мае 2018 г. состоялся визит премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Японию на трёхсторонний саммит КНР – Япония – Республика Корея, а в октябре 2018 г. – первый за последние семь лет визит японского премьер-министра С. Абэ в Китай. По итогам переговоров С. Абэ с председателем КНР Си Цзиньпином оба лидера договорились о том, что отношения должны войти в новую эпоху, а страны не должны представлять угрозы друг другу и должны перейти от соперничества к сотрудничеству. В 2019 г. на саммитах в июне и декабре руководители КНР и Японии подтвердили заинтересованность в расширении сотрудничества таким образом, чтобы отношения двух стран стали стабильными в долгосрочной перспективе.

Изменения в китайско-японских отношениях вызывают вопрос: какие факторы привели к улучшению отношений и насколько серьёзным оно является? Данная статья ставит целью охарактеризовать изменения в отношениях Китая и Японии и объяснить их причины и характер. Она структурирована по трём частям. Вначале анализируются ключевые характеристики китайско-японских отношений до начала улучшения. Далее рассматриваются события, которые позволяют ставить вопрос о начале новой фазы отношений. После этого характеризуются факторы, которые привели к данному развитию, а в заключительной части делается вывод о том, насколько серьёзным является улучшение китайско-японских отношений.

Китайско-японские отношения после 2012 года: скорее стратегические соперники, чем партнёры

В ходе эскалации конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, последовавшего за национализацией трёх островов японским правительством в сентябре 2012 г., прошли массовые антияпонские демонстрации в Китае, нанёсшие серьёзный экономический ущерб японскому бизнесу. Помимо этого, произошло резкое усиление активности китайской береговой охраны, которая стала регулярно заплывать в территориальные воды спорных островов, и патрульных самолетов, регулярно приближающихся к ним, иногда сопровождающиеся заходом большого количества «морского ополчения» китайских рыболовецких шхун. Руководство КНР, восприняв решение правительства Японии как неуважение к его позиции и нарушение статус-кво, решило тем самым создать новый статус-кво, предполагающий конкурирующее присутствие в данной акватории, для того, чтобы подкрепить свои притязания на острова. Отношения между странами оказались фактически заморожены: были отменены все мероприятия, посвященные 40-летней годовщине нормализации отношений, прекращены встречи на высшем уровне и по линии военных

¹ Подробнее об эскалации территориального конфликта см. [Стрельцов, 2015, с. 121–138; Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России, 2019, с. 57–78].

ведомств, а встречи на уровне МИД сводились к озвучиванию разных позиций [Dangerous Waters, 2013, p. 7–9, 13–14].

Пришедшему к власти в Японии в декабре 2012 г. С. Абэ, который в 2006 г. «разбил лёд» в отношениях двух стран после напряжённости во время премьерства Дз. Коидзуми, и окончательно получившему власть в КНР в марте 2013 г. Си Цзиньпину, испортившиеся отношения достались «в наследство» от предыдущих правительств [Кавасима, 2018, с. 28–29]. Однако они оба заняли жёсткие позиции: С. Абэ заявил о решимости защищать острова и указал на важную роль японо-американского альянса, американские гарантии в рамках которого распространяются на все территории под административным контролем Японии, а председатель КНР указал на то, что коренные национальные интересы страны не являются предметом торга, а ущерб суверенитету и безопасности страны недопустим. В январе 2013 г. произошел ряд инцидентов с наведением китайским эсминцем боевого радара на японский вертолет и эсминец, а в ноябре 2013 г. КНР установила Оповознательную зону ПВО (Air Defense Identification Zone, ADIZ) над Восточно-Китайским морем, которая включала район спорных островов. Жёсткие правила предписывали необходимость получения предварительного согласия на пролеты любых самолетов. Данный шаг был интерпретирован Японией как направленный на силовое изменение статус-кво [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 3–4, 10–13].

В выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином концепции «китайской мечты» виктимность «века унижения» со стороны Запада и Японии сочеталась с идеей великого возрождения китайской нации как исторически справедливого процесса возвращения её уникального богатства, могущества и престижа. Использование негативного образа Японии как «другого» для конструирования идентичности в Китае превращает спор, который в других условиях мог бы занимать незначительное место в отношениях, в один из «коренных интересов», по которому правительство должно занимать жёсткую позицию в отношении Японии. Идеологические представления С. Абэ в свою очередь основаны на стремлении пересмотреть историю с тем, чтобы патриотизм и гордость за достижения страны стали нормальными для граждан, сломать послевоенный режим с его ограничениями и трансформировать Японию в «нормальное государство», избавившись от пацифистских ограничений. Премьер-министр в своей речи в феврале 2013 г. в США заявил, что Япония никогда не будет страной второго эшелона [Dian, 2017, p. 125–131, 227–231].

В результате посещения С. Абэ в официальном качестве в святилище Ясукуни в декабре 2013 г. КНР начала широкомасштабную кампанию, фактически демонизируя Японию и обвиняя её в возрождении национализма, милитаризма и разрушении международного порядка, установленного после Второй мировой войны. В Китае стали называть Японию источником неприятностей и предлагать странам региона объединиться, чтобы не допустить её милитаризации. После того, как в 2010 г. Япония уступила статус второй экономики мира Китаю, в КНР усилилось восприятие того, что Япония уже не является настолько важной страной, и что она намного больше зависит от китайской экономики, чем наоборот. Преобладающей в Китае стала точка зрения о том, что по мере увеличения комплексной мощи другие страны будут вынуждены приспособиться к его требованиям. В июле 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что защита морских прав и интересов должна идти рука об руку с увеличением комплексной мощи КНР, что должно служить реализации «китайской мечты» великого возрождения китайской нации. Но

при этом должна сохраняться и стабильность, необходимая для продолжения развития страны [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 4–7, 15–17; Pugliese, Insiasa, 2017, p. 11].

Взгляды обоих лидеров рисовали картину своих государств как сильных и гордых стран, которые занимают правильную позицию и не готовы идти на компромисс. Это подкреплялось кампаниями патриотического образования и распространением антагонистичного дискурса для консолидации общественного мнения в целях противодействия угрозе. В 2014 г. КНР установила два новых праздника – национальный день памяти жертв Нанкинской резни 13 декабря и день мучеников – людей, которые отдали свои жизни, сражаясь за независимость и процветание Китая, начиная с опиумных войн, – 30 сентября. 3 сентября 2015 г. в Китае впервые прошёл парад в честь 70-летней годовщины дня победы над Японией, в котором приняло участие более 12 тысяч солдат и большое количество военной техники. Премьер-министр С. Абэ стал проводить политику, направленную на усиление позиций Японии как ведущей державы в регионе и мире в целом, и, согласно его заявлению в день 70-летней годовщины поражения в войне в 2015 г., Япония будет твёрдо привержена базовым ценностям свободы, демократии и прав человека, сотрудничать со странами, разделяющими данные ценности и вносить ещё больший вклад в мир и процветание во всем мире. [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 2, 6–7, 29–31]. В результате эскалации конфликта большинство населения стало воспринимать друг друга негативно – более 90%, согласно опросам общественного мнения [Takahara, 2017, p. 49].

Вследствие обострения территориального спора в Восточно-Китайском море произошли следующие ключевые изменения. Во-первых, действия Китая всё больше стали восприниматься в Японии как угроза безопасности, во многом именно они были использованы как аргументация, оправдывающая трансформацию японской стратегии в области национальной безопасности при С. Абэ, включая право на коллективную самооборону [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 67–70]. Более того, политика КНР стала позиционироваться как направленная на изменение статус-кво не только вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао, но и всего регионального порядка в Восточной Азии. Согласно распространённым в Японии оценкам, Китай не поддерживает продвигаемый Японией порядок, основанный на международном праве, и стремится к установлению гегемонистского порядка в регионе [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 14; Hughes, 2016, p. 127]. Во всех ключевых концептуальных документах и в выступлениях руководства Японии действия КНР стали характеризоваться как угрожающие безопасности и направленные на изменение статус-кво силовым путём, при этом с 2014 г. акцент стал делаться на взаимосвязанность «агрессивных» действий Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 8].

Ранее Япония проводила стратегию «перестраховывания» (hedging), в рамках которой она с одной стороны проводила политику вовлечения по отношению к Китаю (engagement), а с другой – балансирования (balancing) китайской военной мощи с помощью альянса с США. Одновременно, Япония в некоторой степени стремилась защититься от рисков вовлечения в конфликты на стороне Соединённых Штатов в конфликтах вокруг Тайваня и Корейского полуострова или, наоборот, их неготовности помочь своему союзнику в случае конфликта (т.н. стратегия двойного перестраховывания). В результате целого ряда негативных изменений Япония фактически перешла к стратегии балансирования по отношению к Китаю: мягкого – с помощью укрепления отношений с другими азиатскими странами на периферии

Китая, также озабоченными его возвышением, и жёсткого – с помощью наращивания военной мощи сил самообороны (ССЯ), трансформации политики в области безопасности и укрепления альянса с США [Hughes, 2016, p. 121–150].

Военно-морское планирование Японии в качестве приоритетного направления перенесло фокус с возможного нападения со стороны КНДР и обострения ситуации в Тайваньском проливе на потенциальное нападение Китая на Японию на юго-западном направлении, сохранив важную роль планирования на случай угрозы со стороны Северной Кореи. НОАК КНР также начала серьёзно готовиться к возможному военному конфликту с Японией, хотя и отмечалось, что боевые действия не начнутся в условиях отсутствия провокаций со стороны Японии. Таким образом, налицо заметное усиление дилеммы безопасности в отношениях двух стран [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 8–10], а также их переход к политике балансирования по отношению друг к другу, хотя военная политика КНР в основном направлена на противодействие США как ключевому военно-политическому сопернику [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 49–50].

Во-вторых, произошло усиление тренда на стратегическое соперничество Китая и Японии не только в двустороннем взаимодействии, но и на региональном уровне. В ответ на китайскую антияпонскую пропаганду Япония также начала усиленно транслировать свою позицию не только для домашней аудитории, но и во внешний мир, что привело к активному соперничеству нарративов двух стран. Каждая из них обозначала себя как миролюбивую и поддерживающую статус-кво и современный международный порядок страны, а другую – как агрессивную и ревизионистскую державу, которая бросает вызов международному порядку. Начиная с этого периода, Япония начинает делать акцент на свой опыт первой азиатской нации, которая осуществила модернизацию, универсальные ценности, демократию и принцип свободы судоходства, противопоставляя их «агрессивной» и ревизионистской политике авторитарного Китая. Следует отметить, что эти принципы не являются характерными ни для традиционно прагматичной японской внешней политики, ни для консервативных взглядов самого премьер-министра и его сторонников, которые традиционно увязывают успешность защиты прав граждан с сильным государством. КНР же стала делать акцент на историческом ревизионизме Японии, символизирующем её движение к милитаризму, которое, с её точки зрения, нарушает весь послевоенный порядок [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 5–14, 103–128].

Позиция Японии с этого времени стала базироваться на том, что любое изменение статус-кво силовым путём недопустимо, т.к. оно нарушает международные нормы и договор о мире и дружбе 1978 г. Помимо этого, с точки зрения её руководства, отдельные проблемы в отношениях, будь это территориальный спор или вопрос посещения храма Ясукуни, не должны подрывать весь диалог в целом [Takahara, 2017, p. 58]. Китай в свою очередь стал настаивать на том, чтобы Япония признала сам факт существования территориального спора, а премьер-министр С. Абэ пообещал впредь не посещать святилище Ясукуни. Эти требования позиционировались как предварительные условия для проведения встречи на высшем уровне. Японское руководство не было согласно ни на признание спора, ни на изменение статус-кво и формирование совместного административного контроля [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 49].

С середины 2014 г. Китай начал постепенно смягчать свою позицию по отношению к Японии. Из-за ряда инцидентов и опасных сближений самолётов в районе пересечения

опознавательных зон ПВО двух стран стала очевидна необходимость восстановления политических контактов для создания механизма предупреждения чрезвычайных происшествий на море и в воздушном пространстве и линии связи в случае кризиса. Стало очевидно, что действия КНР привели к заметной активизации процесса трансформации политики Японии в области безопасности и укреплению её альянса с США. Кроме того, хотя торговые отношения восстановились, конфликт привёл к ослаблению экономического взаимодействия и снижению динамики роста японских инвестиций, которое стало негативно сказываться на экономическом росте КНР. Когда издержки кризиса стали очевидны, китайские аналитики заключили, что краткосрочные цели были достигнуты: был создан новый статус-кво и контроль Японии над островами был ослаблен [Takahara, 2017, p. 58; East China Sea, 2016, p. 1–3; Pugliese, Insiassa, 2017, p. 71].

В результате, в сентябре 2014 г. был возобновлён диалог на уровне министров иностранных дел, а 10 ноября 2014 г. прошла встреча Абэ Синдзо и Си Цзиньпина на саммите АТЭС. Китай не стал настаивать на соблюдении Японией выдвигаемых ранее условий. В опубликованном за три дня до саммита заявлении стороны договорились: (1) продолжать развивать взаимовыгодные отношения, основанные на стратегических интересах; (2) на основе взгляда «в глаза истории» и в будущее преодолеть проблемы, негативно влияющие на политические отношения; (3) при наличии разных точек зрения на напряжённость в Восточно-Китайском море, включая район островов, с помощью диалога и консультаций стремиться к предотвращению дальнейшей эскалации, создать механизм на случай кризисных ситуаций и избегать ситуаций с непредвиденными последствиями; (4) с помощью разнообразных двух- и многосторонних механизмов постепенно возобновить дипломатические контакты и диалог в сфере политики и безопасности для того, чтобы построить доверительные политические отношения [Ниттю канкэй но кайдзэн ни мукэта ханасиаи, 2014]. Такие формулировки позволили сторонам сохранить свои позиции по поводу конфликта и возобновить нормальное взаимодействие. Заявления, которые сделали лидеры двух стран, содержали общие пункты о необходимости улучшения отношений. Ключевой стала договорённость создать механизм по предупреждению происшествий в случае морских и воздушных контактов сторон и соответствующую «горячую линию», переговоры по которым велись с 2007 г. и были прерваны в 2012 г. [East China Sea, 2016, p. 1–3].

После этой встречи произошло постепенное восстановление контактов между двумя странами на рабочем уровне, стали проводиться ежегодные встречи на высшем уровне и на уровне министров иностранных дел и представителей министерств обороны. Восстановилось и экономическое взаимодействие. После трёхлетнего перерыва в ноябре 2015 г. возобновились трёхсторонние саммиты КНР–РК–Япония. Однако несмотря на то, что Си Цзиньпин пошёл на восстановление диалога, жёсткая критика в отношении Японии не прекратилась, а заходы кораблей береговой охраны и залёты самолётов продолжились. [Takahara, 2017, p. 59]. На встрече Абэ Синдзо и Си Цзиньпина во время саммита G20 в сентябре 2016 г. была достигнута договорённость восстановить нормальные отношения и ускорить создание механизма по предупреждению происшествий в случае морских и воздушных контактов сторон и соответствующей «горячей линии», которые к тому времени так и не были созданы. Однако к каким-либо серьёзным результатам встреча не привела [Abe, Xi meet at arm's length, 2016].

Ухудшение отношений Китая и Японии произошло на фоне продолжающегося изменения баланса сил и оспариваемого регионального порядка в де-факто многополярной Восточной Азии. Внешняя политика КНР, с 2009–2010-х годов ставшая более жёсткой и уверенной, при Си Цзиньпине претерпела еще большую трансформацию. Китай стал намного более активно отстаивать свои интересы и с 2014 г. приступил к реализации цели изменения статус-кво в Южно-Китайском море в свою пользу [Pugliese, Insiansa, 2017, p. 31, 52]. Выдвижение в 2013 г. ИПП и сообщества коллективной судьбы в Азии, а потом и всего человечества вкупе с увеличением дипломатической, военной и экономической активности, более жёсткой внешней политикой и созданием новых международных институтов (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, АБИИ) продемонстрировали стремление Китая переформатировать региональный порядок в Азии таким образом, чтобы ведущая роль в экономических, политических и культурных отношениях и взаимодействия в сфере безопасности перешли к КНР и структурировались по его правилам и в соответствии с его нормами. Впоследствии это должно позволить Китаю стать глобальным лидером и изменить и мировой порядок без участия западных держав. Хотя Инициатива пояса и пути была провозглашена как инклюзивная, участие таких стран как США и Япония в ней фактически не предполагалось [Callahan, 2016, p. 226–243].

Руководство Японии, включая премьер-министра С. Абэ, в течение длительного времени было критически настроено по отношению к китайским инициативам и не стремилось поддерживать ИПП и вступать в АБИИ. Причины этой реакции заключались в том, что в Японии восприняли данные инициативы как стремление Китая не только решить свои собственные экономические проблемы, но и предоставлять «общественные блага» странам Азии, распределять их по собственному усмотрению, что в конечном итоге преследует более значимую цель создания мирового порядка во главе с КНР. Китай тем самым стремится значительно усилить свои позиции и своё влияние в Азии и установить свои собственные правила экономического и международно-политического взаимодействия, что может привести к «выдавливанию» других стран, в особенности Японии. В связи с этим для Японии важно проводить такую политику, которая подталкивала бы Китай к соблюдению международных правил и открытому предоставлению общественных благ [Ямамото, 2015, с. 13–20]. С одной стороны, улучшение транспортной инфраструктуры в Азии является выгодным и для японского бизнеса. С другой, обеспокоенность Японии вызывают низкое качество реализации и управления китайских инфраструктурных проектов, в том числе низкий уровень экологических и иных стандартов, проблемы с коррупцией, а также потенциальное усиление китайского влияния [Нитта, 2016].

В этих условиях важным для Японии стало активизировать собственную стратегию в Азии. Начиная с 2014 г., С. Абэ стал продвигать идею регионального порядка, «основанного на международном праве», и выступать против изменения статус-кво силовым путём в Восточной Азии и на Индо-Тихоокеанском пространстве [The Shangri-La Dialogue, 2014]. Япония поддерживала «разворот» или «перебалансировку» США в АТР во время нахождения у власти администрации Б. Обамы, т.к. сохранение американоцентричного либерального экономического порядка и роли США как доминирующей державы в военной сфере и гаранта безопасности воспринималось в Японии как ключевая предпосылка обеспечения национальной безопасности, продолжения экономического развития региона, обеспечения свободы судоходства и недопущения занятия Китаем доминирующих позиций.

В августе 2016 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул Стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства. Она нацелена на создание порядка, основанного на международном праве и принципе свободы судоходства на огромном морском пространстве Тихого и Индийского океанов, укрепление принципов демократии и верховенства права, усиление взаимосвязанности в целях достижения стабильности и развития всего региона [Дзию дэ хиракарэта индо тайхэйё сэнряку, 2017].

Хотя Китай открыто не назывался в большинстве официальных речей и концептуальных документов, было очевидно, что японская стратегия во многом стала центрироваться вокруг того, чтобы не допустить занятия Китаем позиций доминирующей державы или гегемона в Азии. В дополнение к укреплению альянса с США, Япония стала развивать сотрудничество с целым рядом стран – Австралией, Индией, странами АСЕАН, в особенности Вьетнамом и Филиппинами, а также Великобританией, Францией и Россией. Ключевой целью было создание «мягких коалиций» вместе со странами, которые разделяют озабоченность по поводу современной траектории подъёма Китая, ужесточения его внешней политики и его возможного доминирования. Япония заметно активизировала экономическое и энергетическое сотрудничество и в меньшей степени сотрудничество в сфере безопасности с различными региональными сегментами мира для того, чтобы не допустить чрезмерного усиления влияния Китая: АСЕАН, Южной Азией, в особенности Индией, Центральной Азией, странами Персидского Залива и Африкой [Hughes, 2016, p. 139–142].

Помимо этого, Япония активизировала политику в сфере инфраструктурного строительства, в которой она является ключевым игроком в Азии. Кабинет С. Абэ сформулировал концепцию высококачественной инфраструктуры, которая будет соответствовать высоким строительным, техническим, экологическим и иным стандартам, учитывать такие факторы, как влияние на общество, экономическая целесообразность, способность реципиента выплатить кредит, использование местной рабочей силы и т.д. и предполагает передачу технологий. Её цель – представить альтернативу китайской инициативе для того, чтобы не допустить попадания большинства региональных стран в экономическую зависимость от Китая, дать японскому бизнесу новые возможности роста и стимулировать региональное развитие. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о «Партнёрстве в создании качественной инфраструктуры» с выделением 110 млрд долл. на инфраструктурные проекты в Азии в течение 5 лет (2016–2020 гг.). Данная сумма на 30 % превышала аналогичную за предыдущие пять лет. В мае 2016 г. премьер-министр Японии выдвинул идею «Расширенное партнёрство в создании качественной инфраструктуры» с глобальным охватом и увеличенным финансированием до 200 млрд долл. [Harris, 2019].

Потепление в китайско-японских отношениях

Начиная с 2017 г., в отношениях Китая и Японии наблюдаются признаки потепления. Активизация взаимодействия произошла на фоне годовщин памятных дат в двусторонних отношениях – 45-летия нормализации отношений в 2017 г. и 40-летия договора о мире и дружбе в 2018 г., а также изменений международно-политической среды. В мае 2017 г. премьер-министр С. Абэ послал ключевого политика в ЛДП и известного сторонника развития отношений с Китаем Т. Никаи в Пекин на Форум пояса и пути. В июне 2017 г. японский премьер впервые заявил о том, что Япония может принять участие в китайской

ИПП в случае, если проекты будут отвечать критериям открытости, транспарентности, экономической целесообразности и финансовой надёжности [Takahara, 2018].

В июле 2017 г. на встрече с Си Цзиньпином в Гамбурге на саммите G20 С. Абэ заявил о желании двигаться вперед для того, чтобы построить новые отношения между Японией и Китаем. В августе 2017 г. ни японский премьер, ни члены его кабинета не посещали святилище Ясукуни, что произошло впервые за последние 37 лет. В сентябре 2017 г. премьер-министр С. Абэ совершил неожиданный визит в китайское посольство для участия в церемонии, посвященной 45-летней годовщине нормализации отношений двух стран и предстоящему Дню образования КНР. Предыдущий визит японского премьера в китайское посольство состоялся 15 лет назад. В Китае прошли различные мероприятия, посвящённые 45-летию установления отношений, например, молодёжные обмены. Председатель КНР Си Цзиньпин стал занимать более примирительную позицию по отношению к Японии и стал воздерживаться от жёсткой критики во время торжественных событий, посвящённых годовщинам праздников, связанных с войной с Японией. Например, в декабре 2017 г. он посетил мероприятие по 80-летней годовщине Нанкинской резни, но не произносил на нём речь. В декабре 2017 г. премьер Японии снова заявил о том, что он допускает возможность участия японского бизнеса в реализации ИПП. И у министра иностранных дел КНР Ван И, и у его японского коллеги Коно Таро была положительная история взаимодействия со страной-партнёром, что облегчало контакты между внешнеполитическими ведомствами [Gao, 2017; Zhu, 2018].

На встрече на саммите АТЭС в ноябре 2017 г. лидеры КНР и Японии согласились прилагать все усилия к улучшению отношений и провозгласили их новое начало. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал С. Абэ «конструктивно поработать» над вопросами истории, Тайваня и другими ключевыми проблемами двусторонних отношений, но при этом продемонстрировал стремление улучшить отношения. Одной из ключевых тем стал вопрос ракетно-ядерной программы КНДР в связи с тем, что ядерные и ракетные испытания в 2016–2017 гг. вызывали обеспокоенность и у японского, и у китайского руководства. Ключевыми темами последовавшей за этим встречи С. Абэ с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном стали вопросы расширения экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества и вопросы экономической интеграции, включая скорейшее создание Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) и трёхсторонней зоны свободной торговли КНР-Япония-РК [Gao, 2017; Zhu, 2018].

В мае 2018 г. состоялся визит премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Японию на трёхсторонний саммит КНР-Япония-РК, в котором помимо него приняли участие С. Абэ и президент Республики Корея Мун Чжэ Ин. Ключевыми вопросами для обсуждения на переговорах стали экономические, в особенности ход переговоров по заключению трёхсторонней ЗСТ. Во время визита Ли Кэцяна и его переговоров с японским руководством был подписан Меморандум о сотрудничестве бизнеса Японии и Китая в третьих странах, в котором стороны договорились создать государственно-частный совет для рассмотрения совместных инфраструктурных проектов в других странах. Между оборонными ведомствами обеих стран было подписано соглашение о начале функционирования механизма связи по взаимодействию на море и в воздухе. Оно предполагает три составляющие: (1) обмен сообщениями по радиосвязи на заданной частоте в случае опасных сближений между китайскими военными и представителями сил самообороны Японии на море и в воздухе;

(2) создание линии горячей связи между военными КНР и Японии; (3) проведение ежегодных переговоров между высокопоставленными представителями министерств обороны. В июне 2018 г. механизм был запущен [Japan-China communications start up, 2018], а в декабре 2018 г. состоялись первые консультации.

В октябре 2018 г. премьер-министр Японии С. Абэ совершил визит в КНР, который стал первым подобным визитом за последние семь лет. Хотя лидеры обеих стран проводили регулярные встречи на высшем уровне с ноября 2014 г., напряжённость в отношениях двух стран наряду с нежеланием Китая полноценно нормализовать политические контакты приводила к тому, что полновесных визитов на высшем уровне не совершалось. Данный визит имел важное символическое значение, и в преддверии к нему руководство обеих стран, в особенности Китая, значительно снизило уровень негативной риторики и критики. Японский премьер был подчёркнуто торжественно принят в Китае и провёл переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном. С. Абэ заявил, что он желает провозгласить новую эру в отношениях двух стран, которые должны перейти от соперничества к сотрудничеству. Председатель КНР подтвердил возвращение отношений к их нормальному состоянию, а С. Абэ заявил, что страны являются соседями и партнёрами и не станут угрозами друг для друга. Си Цзиньпин согласился с этим и отметил, что взаимозависимость между странами углубилась, и страны разделяют всё больше совместных интересов и озабоченностей [«Кёсо кара кёрёку э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018].

Стороны договорились возобновить ряд переговорных процессов, которые были заморожены с 2012 г.: стратегический диалог на уровне заместителей министров, переговоры по разоружению и контролю над вооружениями, международному праву, развитию субрегиона Большой Меконг, а также провозгласить 2019 г. годом молодёжных обменов с участием более 30 тыс. человек в течение следующих пяти лет. КНР и Япония также подписали соглашение по сотрудничеству в области поисково-спасательных операций на море. Руководители двух стран договорились превратить Восточно-Китайское море в море мира, дружбы и сотрудничества и возобновить переговоры по совместной разработке энергетических ресурсов в Восточно-Китайском море на основе достигнутого в июне 2008 г. принципиального консенсуса. Прозвучали обещания в скорейшем времени наладить работу линию горячей связи, которая должна помочь предотвратить эскалацию в случае военных инцидентов между странами. Стороны договорились сотрудничать по вопросу денуклеаризации КНДР и японский премьер заявил, что Китай и Япония исполняют свои обязанности по установлению мира и стабильности в Восточной Азии [«Кёсо кара кёрёку э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018].

Помимо этого, С. Абэ сопровождала делегация из более чем 400 представителей японского бизнеса. Экономическая повестка визита включала: проведение первого Форума рыночного сотрудничества между Японией и Китаем в третьих странах; подписание 52 соглашений на общую сумму около 18 млрд долл. о сотрудничестве японского бизнеса с китайским в сфере инфраструктурного строительства в третьих странах (например, проект «умного города» в Таиланде); договорённости по созданию диалога по сотрудничеству в сфере экономического развития, который должен оценивать прогресс по этим проектам, механизма финансирования проектов Японским банком для международного сотрудничества и Китайским банком развития; соглашения по сотрудничеству в сфере инноваций и защиты

интеллектуальной собственности; возобновление соглашения о валютном свопе объёмом в 30.4 млрд долл. С. Абэ и Ли Кэцян подчеркнули важную роль свободной торговли и договорились продвигать скорейшее заключение ВРЭП и ЗСТ Китай–Япония–РК. В ответ на просьбу японского премьера китайское руководство пообещало рассмотреть вопрос возобновления сельскохозяйственного импорта из ряда японских префектур, введённого после аварии на АЭС Фукусима-1. Заявление Японии о том, что она окончательно прекращает выделение Официальной помощи развитию КНР после 40 лет её предоставления в связи с достижениями Китаем высоких показателей уровня жизни, были положительно восприняты китайским руководством с благодарностью за вклад Японии в модернизацию китайской экономики. В качестве символического соглашения, свидетельствующего о восстановлении отношений, страны договорились об отправке китайских панд в японский зоопарк. Си Цзиньпин указал на необходимость развития гуманитарных контактов между обществами обеих стран в целях углубления доверия [«Кёсо кара кёрёку э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018]

В декабре 2018 г. прошла первая встреча между министерствами обороны КНР и Японии, на которой обсуждались вопросы предотвращения опасных столкновений на море и в воздухе. Считается, что понимание «красных линий» друг друга поможет странам выстроить доверие и избежать случайных инцидентов, которые могут привести к возникновению боевых действий. Стороны договорились ускорить полноценное создание линии горячей связи [Japan and China hold first meeting, 2018]. Премьер-министр С. Абэ направил специального посланника и генерального секретаря Либерально-демократической партии Т. Никаи на второй Форум пояса и пути, который состоялся в апреле 2019 г. в Пекине. Си Цзиньпин провел отдельную встречу с ним и высоко оценил нормализацию отношений и их позитивное развитие [Xi Jinping Meets with Special Envoy, 2019].

В 2019 г. положительная динамика встреч на высшем уровне продолжилась и произошло восстановление контактов между НОАК КНР и ССЯ. В апреле 2019 г. японский фрегат и глава Генштаба морских ССЯ приняли участие в праздничных мероприятиях с связи с 70-летием ВМС НОАК в Циндао. В августе 2019 г. после семилетнего перерыва был возобновлён стратегический диалог, а в октябре китайский эсминец-ракетоносец Тайюань нанёс визит в японский порт. Новые соглашения были заключены и в экономике. Согласно достигнутому в апреле 2019 г. соглашению, биржевые инвестиционные фонды обеих стран стали котироваться на Шанхайской и Токийской фондовых биржах соответственно. В 2018 и 2019 гг. в Токио начали работать клиринговые банки для операции с юанями. В апреле 2019 г. впервые прошёл Диалог по сотрудничеству в сфере инноваций, а в мае – первые китайско-японские политические консультации по сотрудничеству в области содействия международному развитию [Ниттю сюно кайдан 2019].

Во время встречи на высшем уровне между лидерами КНР и Японии в преддверии саммита G20 в Осаке в июне 2019 г. стороны подтвердили свою решимость начать «новую эпоху» в двухсторонних отношениях и выстраивать стабильные в долгосрочном плане отношения. Помимо этого, они отметили важность создания свободной и честной системы международной торговли. Японский премьер попросил китайское руководство принять меры для бóльшей открытости китайского рынка, обеспечения честной и равной конкурентной среды, включая необходимость укрепления защиты интеллектуальной собственности,

корректировки политики по принудительному трансферу технологий и субсидированию промышленности [Ниттю суюно кайдан 2019].

Схожей была и повестка встречи на высшем уровне в декабре 2019 г., которая прошла в преддверии трёхстороннего саммита с Республикой Корея. Во время саммитов премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что истинное улучшение китайско-японских отношений невозможно без стабильности в Восточно-Китайском море, и призвал Китай продемонстрировать сдержанную позицию и ограничить свою активность в этом районе, в особенности вблизи островов Сэнкаку. Также он отметил необходимость демилитаризации островов в Южно-Китайском море. Одновременно с этим, японский премьер привлёк внимание к внутренней повестке в КНР, чего раньше японские лидеры старались избегать. Выражая свою озабоченность ситуацией в Гонконге, он отметил важность сохранения свободного и открытого Гонконга в соответствии с принципом «одна страна, две системы» и призвал все стороны к сдержанности. Кроме того, С. Абэ отметил важную роль универсальных ценностей, таких как свобода, уважение прав человека и верховенства закона, а также попросил правительство КНР предоставить транспарентную информацию о ситуации с правами человека в Синьцзян-уйгурском автономном районе [Сю кин пэй тоно 2019].

Причины потепления китайско-японских отношений и его глубина

Интересы Японии в налаживании отношений с Китаем заключаются в нормализации политического диалога, предотвращении эскалации конфликта в Восточно-Китайском море при одновременном отстаивании своих интересов по отношению к КНР, обсуждении с имеющим влияние на КНДР Китаем вопросов денуклеаризации Северной Кореи, расширении взаимовыгодного экономического сотрудничества, совместной работе по завершению переговоров по заключению ВРЭП и трёхсторонней ЗСТ Япония–КНР–Республика Корея. При этом сам С. Абэ, начиная со своего избрания в качестве премьер-министра, стремился улучшить отношения с Китаем и неоднократно заявлял о том, что двери для сотрудничества и диалога с КНР всегда открыты. В ноябре 2014 г. он призвал к улучшению взаимного доверия между двумя странами, углублению экономических отношений, сотрудничеству в Восточно-Китайском море и стабилизации ситуации в области безопасности в Восточной Азии. Однако руководство Китая фактически игнорировало его заявления и не шло на полноценное восстановление политического диалога, а антияпонская кампания в китайских СМИ продолжалась [Takahara, 2018; Nagu 2018]. Что же изменилось?

Следует выделить целый ряд факторов, которые обусловили сближение Китая и Японии. Одним из ключевых факторов стало изменение международно-политической ситуации, во многом связанное с политикой администрации Дональда Трампа в США. Несмотря на беспрецедентные усилия, предпринятые премьер-министром С. Абэ для установления хороших отношений с американским президентом и подтверждения гарантий безопасности, целый ряд действий Д. Трампа вызывает озабоченность у руководства Японии. Во-первых, это выход США из Транстихоокеанского партнерства, которое рассматривалось Японией как крайне важная часть сохранения американоцентричного либерального экономического порядка. Во-вторых, готовность самого Д. Трампа оказывать давление на союзников, его

стремление зарекомендовать себя как обладающего уникальной способностью заключать сделки даже в сложных случаях. Это привело к опасениям, что будут ущемлены интересы союзников, в особенности самой Японии (например, в случае переговоров с КНДР) [Nagy, 2018].

В-третьих, торговая политика американской администрации не может не вызывать негативную реакцию Японии, т.к. США не освободили её, в отличие от других союзников, от введённых тарифов на сталь и алюминий. Стоит отметить и обеспокоенность Японии по поводу торговой войны между США и КНР в связи с тем, что она затрагивает производимые на территории Китая японскими фирмами товары. Более того, администрация Трампа в 2018 г., угрожая введением тарифов на японские автомобили, настояла на начале переговоров по заключению двусторонней ЗСТ, в которых у Японии заинтересованности не было. Непоследовательная политика Д. Трампа в Азии заставила руководство Японии задуматься о том, насколько и дальше можно рассчитывать на гарантии со стороны США, каким образом обеспечивать свою безопасность и не допустить возникновения китаецентричного порядка в условиях, когда на США всё сложнее полагаться. Для японского премьера некоторое улучшение отношений с КНР становится важной страховкой на фоне неопределённой позиции США [Nagy, 2018]. В то же время, необходимо отметить, что первые признаки потепления в отношениях между КНР и Японией наметились до нарастания напряжённости в отношениях между Китаем и США, и для Японии фактор политики Д. Трампа играет меньшую роль, чем для Китая [Takahara, 2018].

Целый ряд действий администрации Д. Трампа вызвал негативную реакцию со стороны КНР: неоднозначные высказывания по поводу принципа одного Китая, принятие Конгрессом Закона о путешествиях на Тайвань, давление на Китай с тем, чтобы он в свою очередь ужесточил политику по отношению к КНДР, а затем критику в отношении Китая по поводу неуступчивости руководства Северной Кореи после встреч Ким Чен Ына и Си Цзиньпина, решение начать торговую войну с Китаем во многом для того, чтобы заставить его изменить стратегию технологического развития Made in China 2025, принятие новой Национальной стратегии в области безопасности в декабре 2017 г., в которой Китай назван стратегическим соперником и ревизионистской державой, ставящей цель подорвать существующий региональный и мировой порядок, а также речь вице-президента США М. Пенса в Хадсонском институте, в которой он обвинил Китай во вмешательстве в ноябрьские выборы 2018 г. в США [Кавасима, 2018, с. 31; Nagy, 2018].

Главный фактор, который привел к налаживанию отношений двух стран – это изменение политики Китая в отношении Японии. В ситуации, когда происходит конфликт в отношениях с США, Китай традиционно стремится наладить отношения с другими ключевыми партнёрами – Европой и Японией. Ухудшение отношений с США и серьёзное ухудшение восприятия КНР американской администрацией подтолкнули Китай к осознанию необходимости «прорыва недружественного окружения» – улучшения отношений с ближайшими американскими союзниками – Японией и Южной Кореей. В условиях, когда вероятность стратегической конфронтации с США на Индо-Тихоокеанском пространстве становится реальной, руководство КНР решило, что оно не может рисковать и сохранять плохие отношения с самыми мощными после Китая и США Восточноазиатскими игроками. «Общий фронт» США и их союзников может воспрепятствовать реализации ИПП или по крайней мере существенно её затруднить. Как результат, Китай нормализовал отношения

с Южной Кореей и сделал реальные шаги навстречу Японии [Takahara, 2018]. В Китае решили, что, поскольку Япония также испытывает негативное воздействие от экономических мер, вводимых Д. Трампом, выстроить сотрудничество с ней будет более реально [Кавасима 2018, с. 31].

Помимо этого, важным фактором является консолидация власти обоими лидерами. Си Цзиньпин был не только успешно переизбран на второй пятилетний срок в качестве генерального секретаря КПК на XIX съезде (что позволяет ему более свободно проводить внешнюю политику по сравнению с первым сроком, в течение которого ему было желательно показать себя как сильного лидера и защитника национальных интересов, занимающего жёсткий курс по отношению к Японии), но и благодаря поправкам в Конституцию КНР он может занимать более двух сроков подряд. Премьер-министр С. Абэ был избран на третий срок председателя ЛДП в 2018 г., что позволит ему остаться у власти до 2021 г. и делает его самым большим долгожителем в японской политике. Предпочтения японского населения по поводу политики по отношению к КНР заключаются в том, что с одной стороны, руководству страны следует отстаивать интересы в области безопасности и твёрдо отвечать на вызовы в этой сфере, а с другой, необходимы стабильные и поступательно развивающиеся отношения с самым мощным соседом, в особенности в экономике [Takahara, 2018]. С точки зрения руководства Китая, важным моментом было и то, что после 2014 г. премьер-министр С. Абэ не посещал святилище Ясукуни, что позволило ослабить негативным эмоциям по этому поводу. Стабилизация и улучшение отношений с Китаем, которые поддерживает большинство населения Японии, способны упрочить поддержку кабинета Абэ на выборах [Zhu, 2018].

Следующим значимым фактором является заинтересованность обеих стран в расширении экономического сотрудничества, в особенности рост интереса КНР к увеличению японских инвестиций. Это связано с трудностями и структурными проблемами в экономике Китая, сложными экономическими мерами, направленными на проведение структурных экономических реформ и борьбу с «плохими долгами», а также с материальными и репутационными издержками инициированной США торговой войной и другими экономическими ограничительными мерами. В целях предотвращения оттока иностранного капитала китайское правительство и многие китайские регионы стали проводить меры, направленные на стимулирование привлечения японских инвестиций [Takahara, 2018]. Улучшение политических отношений и расширение сотрудничества с Японией в торговле, инвестициях, финансах и высоких технологиях играют важную роль в стимулировании китайской экономики. Немаловажно для КНР и фактическая готовность Японии сотрудничать с Китаем в рамках реализации ИПП [Aoyama, 2018]. В условиях, когда США стали ограничивать высокотехнологичные проекты и стартапы и продажу технологий КНР, Китай и Япония могли бы расширить кооперацию в высокотехнологичной сфере и с помощью реализации совместных проектов в третьих странах послать сигнал Соединённым Штатам [Кавасима, 2018, с. 31–32].

Данная политика находит положительный отклик у японского бизнеса, который значительно активизировал свою деятельность в Китае в 2018 г. В частности, японские производители автомобилей положительно оценивают перспективы расширения своей доли на китайском рынке с текущих 16 % до 20–25 % (до обострения территориального спора в 2012 г. доля Японии была около 20 %) вследствие вероятного сокращения 11 %-ной доли

американского автопрома и сложностей у китайского автомобильного бизнеса. Помимо этого, появляется всё больше совместных проектов с участием японских компаний в новых сферах, которые активно развиваются на китайском рынке, таких как искусственный интеллект, беспилотные автомобили, медицинское обслуживание. В связи с расширением среднего класса в КНР сохраняется спрос на высококачественные японские товары. Ожидается также положительный эффект от мер, направленных на совершенствование производства (в том числе с помощью роботизации) и улучшение производительности труда. Японский бизнес рассматривает китайский рынок в целом как наиболее перспективный растущий рынок на ближайшие 10–15 лет, на котором позиции японских компаний традиционно велики [Сэгути, 2018, с. 8–10].

Наконец, ещё одним имеющим значение фактором является изменение общественного мнения. Согласно опросам общественного мнения, проведённым организацией The Genron NPO в сентябре 2018 г., за последние 5 лет значительно увеличилось количество китайцев, которые положительно относятся к Японии: с 5,2 % в 2013 г. до 42,2 % в 2018 г., а количество относящихся отрицательно, наоборот, снизилось с 90,1 % в 2013 г. до 56,1 % в 2018 г. В качестве ключевых причин положительного отношения называют такие факторы, как высокий уровень развития японской экономики и жизненных стандартов, хорошие манеры и высокий уровень культуры, высокое качество японских товаров. Этот тренд также может быть связан со значительным увеличением туристического потока в Японию и распространении её положительного имиджа в социальных сетях: в 2017 г. 7,4 млн китайских туристов посетило страну, что в шесть раз больше, чем 1,3 млн в 2013 г. Отрицательный образ Японии связан с агрессивным военным прошлым и отсутствием извинений за него, национализацией островов Дяоюйдао и сдерживанием Китая совместно с США. Общественное мнение Японии, однако, не показывает такого же положительного изменения. Количество положительно относящихся к Китаю респондентов составило 13,1 % в 2018 г. (по сравнению с 5,2 % в 2013 г.), а отрицательно – 86,3 % в 2018 г. (92,8 % в 2013 г.). В качестве ключевых причин называются продолжающийся конфликт вокруг островов Сэнкаку и вторжения Китая в морское и воздушное пространство, агрессивное поведение КНР как ведущей мировой державы и активная военная модернизация с не до конца понятными целями [Japan-China Public Opinion Survey, 2018].

Вместе с этим, восприятие обществами обеих стран друг друга как военной угрозы не исчезло, а даже усилилось – 57,7 % японцев воспринимают Китай как военную угрозу (на первом месте КНДР с 84,8 %), а 79,4 % китайцев воспринимают таким образом Японию (на втором месте – США с 67,7 %). В качестве причин с японской стороны высказывались такие факторы, как вторжение Китая в японское морское и воздушное пространство, конфликт по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао и агрессивные действия Китая в Южно-Китайском море, а с китайской – стремление Японии окружить КНР совместно с США. Наибольший процент опрошенных японцев (33,2 %) считает, что военного конфликта по поводу островов не будет, тогда как 56,1 % китайцев уверены в обратном. 44,5 % японцев считают, что следует начать переговоры по этому вопросу, тогда как 61,7 % китайцев полагают, что КНР стоит взять острова под реальный контроль для того, чтобы защитить их, а 57,9 % – что Японию необходимо заставить признать сам факт существования спора дипломатическими средствами. 52 % японцев уверены в том, что США должны оставаться мировым лидером (на втором месте Япония с 35,3 %, а на Китай приходится только 11,7 %),

тогда как большая часть китайцев – что это должен быть Китай (73,3 %). Больше половины респондентов полагают, что мирное сосуществование и совместное развитие были бы идеальным сценарием, но он может быть недостижим. Данные опросов общественного мнения показывают, что в японском обществе сохраняется значительное недоверие по отношению ко внешней политике и внешнеэкономической стратегии Китая, а его действия в сфере безопасности всё ещё воспринимаются как идущие вразрез с национальными интересами Японии и как серьёзная угроза. Роль США же как близкой для Японии страны остаётся неизменной. Обращает внимание большая степень готовности китайского общества к решению территориального спора силовым путём [Japan-China Public Opinion Survey, 2018].

Улучшение отношений Китая и Японии скорее носит черты нормализации политических контактов и диалога в сфере безопасности при стремлении расширить экономическое сотрудничество, чем кардинального изменения позиций обеих стран или достижения ими какого-либо серьёзного компромисса. Однако маловероятно, что характер этих отношений будет существенно отличаться от отношений до обострения территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г., т.е. «холодная политика и горячая экономика». О каком-либо серьёзном или кардинальном улучшении отношений речь не идёт: Китай и Япония по-прежнему остаются друг для друга стратегическими соперниками за лидерство и переустройство регионального порядка в Азии, а территориальный спор далёк от разрешения. Дилемму безопасности, при которой Япония воспринимает политику Китая как угрозу, а КНР негативно рассматривает японо-американский альянс и рассматривает как угрозу безопасности Индо-Тихоокеанские стратегии США и Японии, преодолеть будет крайне сложно [Nagy, 2018; Zhu, 2018].

Хотя интенсивность захода китайских кораблей береговой охраны в акваторию островов, которую Япония считает своей, а также приближение самолётов к данной акватории несколько снизились в сентябре-декабре 2018 г., они не прекратились. На протяжении большей части 2019 г. количество кораблей береговой охраны КНР, заходящих в территориальное море островов Сэнкаку/Дяоюйдао, снова вышло на значения начала 2017 г. – 12 кораблей в месяц. В январе и феврале 2020 г. было осуществлено по 8 заходов в месяц. А начиная с мая 2019 г., существенно увеличилось количество заходов китайских судов в прилежащую зону островов. В том месяце это количество достигло 132 по сравнению с 60 в апреле, что стало одним из трёх самых крупных подобных инцидентов за время обострения спора [Сэнкакүсэто сүхэн кайки, 2020]. Более того, и в 2017–2019 гг. инциденты между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море происходили регулярно, что делает запуск механизмов, направленных на предотвращение опасных происшествий на море и в воздухе, крайне своевременным. Японии становится всё сложнее справляться с заходом китайских судов без принятия силовых мер, которые могут привести к вооруженным действиям. Например, согласно данным Министерства обороны Японии, в мае 2017 г. с китайских судов береговой охраны после их входа в территориальные воды спорных островов стали запускать дроны, а в январе 2018 г. произошло два инцидента с фрегатом класса Цзянкай II и стратегической подводной лодкой класса Шан, которые были замечены в прилегающей зоне островов Сэнкаку. Подводная лодка подобного класса была замечена в этой акватории впервые, что является тревожным знаком для Японии [Хэйсэй 30нэнбан бэй хакусэ, с. 92,104,108,190].

Представление о деятельности КНР как ключевой угрозе безопасности в Японии сохраняется. В японской Белой книге по обороне 2018 г. расширение искусственных островов и строительство военной инфраструктуры в Южно-Китайском море расцениваются как деятельность, направленная на силовое изменение статус-кво. Отмечается, что в дальнейшем Китай будет требовать признание уже изменившейся ситуации как свершившегося факта [Хэйсэй 30нэнбан бозэй хакусё, с. 190–191]. Предпосылки того, что политика КНР Восточно-Китайском или Южно-Китайском морях изменится, отсутствуют, а в долгосрочной перспективе позиции Китая в военно-морском балансе сил изменятся ещё больше в его пользу. Китай больше готов к символическим шагам, призванным продемонстрировать Японии выгоды экономического сотрудничества, чем к серьезной трансформации своей политики [Pugliese, 2018]. Глобальная и региональная стратегии КНР практически не претерпела изменений и развивается в русле установленных пятым поколением руководителей страны приоритетов [Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России, 2019]. Некоторую коррекцию следует только отметить в вопросе реализации Инициативы пояса и пути: на Форуме пояса и пути в апреле 2019 г. председатель КНР Си Цзиньпин постарался учесть последовавшие в адрес Китая критические замечания и пообещал, что проекты будут реализовываться на основе международных стандартов и честной рыночной конкуренции без коррупции [Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech, 2019]. Сотрудничество с Японией могло бы сыграть важную роль в реализации этих принципов, и японская сторона также в этом заинтересована. Однако судить о том, насколько эти обещания будут реализованы, можно будет только по прошествии немало времени. В целом Китай в своей внешней политике намного больше концентрируется на отношениях с США, рассматривая именно эту страну как ключевого стратегического соперника и одновременно важного партнёра.

Японская стратегия также демонстрирует расширение мер по претворению в жизнь Индо-Тихоокеанской стратегии и укреплению альянса с США. В ноябре 2017 г. произошло восстановление четырёхстороннего диалога в составе Японии, США, Австралии и Индии. Диалог на уровне министерств иностранных дел нацелен на обсуждение региональных стратегических вопросов, прежде всего, сохранения существующего порядка и свободы судоходства в свете ужесточения политики Китая, в особенности в территориальном споре в Южно-Китайском море, расширения его присутствия в Индийском океане, а также использования им экономического инструментария для усиления своих позиций. Эти изменения предоставили странам мало причин сомневаться в том, что КНР хотела бы добиться переустройства сначала глобального, а потом и регионального порядка в свою пользу, что и привело к возобновлению диалога после десятилетнего перерыва [Madnan, 2017]. Китай крайне негативно воспринял возрождение четырёхстороннего формата, и министр иностранных дел Ван И заявил, что попытка стран сдерживать КНР вскоре рассеется подобно «морской пене» [Quad, like sea foam, will dissipate soon, 2018].

Другой иллюстрацией является дальнейшее расширение деятельности Японии в Южно-Китайском море. В сентябре 2018 г. подводная лодка ССЯ Куроиси впервые приняли участие в учениях в Южно-Китайском море совместно с японскими кораблями, включая один из самых больших – вертолетоносец Кага. После этого подлодка совершила дружественный визит на вьетнамскую военную базу Камрань [Japanese submarine conducts first drills in South

China Sea, 2018]. В мае 2019 г. в Южно-Китайском море в пределах акватории, на которую претендует Китай, прошли четырёхсторонние учения, в которых приняли участие корабли флотов США, Индии, Филиппин и ССЯ. Хотя Япония уже участвовала в учениях в Южно-Китайском море с другими странами, включая США, Филиппины и Великобританию, подобные учения четырёх стран проводятся впервые. С японской стороны участвовал один из двух самых больших японских кораблей – вертолётоносец Идзумо, который планируется переоборудовать в авианосец [U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea, 2019]. Показательно, что реакция Китая на участие Японии в учениях была достаточно сдержанной на фоне текущего улучшения отношений, но в будущем может произойти и её ухудшение.

Помимо этого, Япония продолжает наращивать военный потенциал на юго-западном направлении, а модернизация её военного потенциала происходит с учётом возможностей и деятельности Китая. Например, в марте 2019 г. Министерство обороны Японии объявило о том, что оно планирует разработать противокорабельную крылатую ракету дальностью до 400 км. Как считается, эти разработки направлены против ВМФ КНР, в том числе для защиты отдалённых островов [Japan announces longer-range cruise missile development, 2019]. Роль Японии в американской Индо-Тихоокеанской стратегии и её собственная стратегия усиления партнёрств со странами региона для балансирования Китая и поддержания порядка, основанного на международном праве и принципе свободы судоходства, оставляет мало пространства для кардинального улучшения отношений с Китаем. Усиление стратегической конфронтации между США и Китаем на Индо-Тихоокеанском пространстве также можно рассматривать как важный сдерживающий фактор, т.к. Япония будет оказывать поддержку своему союзнику [Nagy, 2018].

Показательно, что стороны не делали никаких попыток разрешить сложные вопросы в двусторонних отношениях, касающиеся спорных территорий, суверенитета, истории, Тайваня и т.д. Большая часть заявлений и принятых договоренностей имела исключительно символическое значение [Кавасима, 2018, с. 34]. Помимо этого, отмеченные выше различия в идентичности и идеологиях двух стран сохраняют свою роль. Обе стороны приглушили степень критики друг друга, в особенности Китай, но объективные различия и негативный образ «другого» никуда не исчезли. Дальнейшая модернизация японского военного потенциала и возможность изменения Конституции, которую С. Абэ ставит своей ключевой целью, рассматриваются в Китае крайне негативно и называются агрессивной милитаризацией. Другим различием является высокая степень взаимосвязи между политической и экономической сферой при принятии решений в КНР и отсутствие подобной интеграции в Японии, руководство которой может осуществлять совершенно разные стратегии в сферах безопасности и экономики [Zhu, 2018]. Обращает на себя внимание и то, что японский премьер в 2019 г. стал привлекать внимание к внутренним вопросам в КНР, таким как ситуация в Гонконге и СУАР, делая акцент на необходимости соблюдения прав человека.

Хотя с точки зрения китайского руководства Япония поддержала Инициативу пояса и пути, на практике это скорее избирательное прагматическое экономическое сотрудничество, чем полноценная безоговорочная поддержка. Преимущество японских инфраструктурных проектов перед китайскими заключается в том, что они основаны на высоких стандартах, хорошо просчитывают риски, передают технологии странам-партнёрам, гарантируют высокое

качество и осуществляют обслуживание проектов полного цикла, но этим же обуславливается и их более дорогая стоимость. Заинтересованность японского бизнеса определяется тем, что сотрудничество с китайскими компаниями позволит значительно снизить издержки по строительству инфраструктуры. Существуют основания полагать, что все отобранные проекты будут реализовываться только в случае соответствия критериям, которые выдвинул С. Абэ во время переговоров с Ли Кэцяном в мае 2018 г.: открытость, прозрачность условий, экономическая целесообразность и финансовая надёжность в соответствии с международными стандартами. При этом Япония официально не поддержала китайскую инициативу и по её настоянию данные проекты были обозначены как «инфраструктурное сотрудничество в третьих странах». Таким образом, Япония надеется, что китайские проекты станут более высококачественными, не будут приводить к долговым ловушкам, и в итоге можно будет найти способы существования ИПП с японской Индо-Тихоокеанской стратегией [Кавасима, 2018, с. 32], что, однако, не обещает быть легко выполнимой задачей.

Несмотря на последние договорённости, в целом Япония с озабоченностью рассматривает китайскую стратегию, направленную на выдвигание Китая на позиции доминирующей державы в регионе, концепцию Си Цзиньпина «общей судьбы человечества» и потенциальные последствия от полномасштабной реализации ИПП. Заинтересованностью в сохранении статус-кво и американоцентричного порядка определяется выдвигание Японией стратегии создания свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства. Помимо выдвигания своей собственной Инициативы высококачественной инфраструктуры объемом в 200 млрд долл. до 2021 г., в 2017 г. Япония поддержала выдвинутую Индией концепцию Азиатско-Африканского коридора. В ноябре 2018 г. финансовые институты Японии, США и Австралии договорились о партнёрстве с целью расширения инфраструктурного строительства в Азии. Страны ставят целью инвестиции в энергетическую, транспортную, туристическую и высокотехнологическую инфраструктуру. Активность Японии на этом направлении нацелена на создание альтернатив китайской ИПП и расширение собственного присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе [Harris, 2019]. В то же время, отношения в этой сфере определяются не только конкуренцией, но и большим потенциалом сотрудничества. От улучшения инфраструктуры выигрывают все страны, в том числе японский бизнес. Наиболее вероятно, что японский бизнес будет принимать участие в ряде проектов с китайским в ходе реализации ИПП в том случае, если это будет обладать безоговорочной экономической целесообразностью и не будет приводить к серьёзному укреплению позиций Китая. Однако полномасштабное участие в реализации китайской инициативы не кажется вероятным, т.к. Япония не заинтересована в кардинальном усилении КНР на обширном транс-региональном пространстве, которое может привести к переустройству регионального порядка. Наиболее вероятно, что мы будем видеть одновременное ограниченное сотрудничество и конкуренцию в этой сфере.

Заключение

Положительную динамику в отношениях Японии и Китая в 2017–2018 гг. следует рассматривать как нормализацию политического диалога и восстановление контактов, основанные на стремлении Китая улучшить отношения с союзниками США на фоне нарастающей конфронтации с ними, заинтересованности обеих стран расширить

экономические связи и хеджировать риски, связанные с экономической политикой Д. Трампа. Немаловажное значение играют и внутривластные факторы, такие как наличие сильных лидеров в обеих странах и консолидация власти в их руках, а также некоторое улучшение китайского общественного мнения по отношению к Японии. В условиях отсутствия трансформации стратегий обеих стран в области политики и безопасности говорить о серьёзном улучшении отношений преждевременно. Ни одна из сторон не изменила своей позиции по спорным островам в Восточно-Китайском море, конфликт вокруг которых создает дилемму безопасности, и они всё ещё остаются стратегическими соперниками в Азии. Нарастание стратегической конкуренции между США и Китаем на Индо-Тихоокеанском пространстве ставит Японию в положение, в котором она будет более склонна поддерживать своего союзника. Не допустить доминирования Китая в этом регионе является одной из ключевых целей и самой Японии при реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии. Тем не менее, обе стороны продемонстрировали заинтересованность в стабилизации ситуации в области безопасности для того, чтобы инциденты в Восточно-Китайском море не привели к возникновению военного конфликта. Остальные сложные вопросы, например, вопросы истории, Тайваня, негативное отношение Китая к изменению Японией своей Конституции, были вынесены за скобки. Таким образом, речь скорее идет о менеджменте конфликтных отношений, а не о разрешении существующих споров.

Вместе с этим, дальнейшее усиление Китая при необходимости мирно сосуществовать с огромным соседом, и непоследовательная политика администрации Д. Трампа заставляют Японию задуматься о том, как сохранить стабильность и взаимовыгодное экономическое сотрудничество в отношениях с КНР и при этом не допустить её доминирования в Азии. В этих условиях японское правительство полагает, что наиболее целесообразно наладить экономическое сотрудничество с Китаем и, работая вместе с ним, помочь ему выстроить более открытую экономическую систему, повысить качество проектов, и в итоге превратить его в более кооперационного игрока и тем самым сделать более благоприятными последствия от реализуемых им проектов. Невозможно полностью отбросить сценарий, при котором тактическое сближение, вызванное сложностями в экономике КНР и китайско-американскими противоречиями, может перерасти в стратегическое. Это ставит вопрос о том, насколько возможно приспособление Японии к китайской стратегии. Готовность осуществлять совместные инфраструктурные проекты с Китаем в третьих странах может свидетельствовать о стремлении Японии найти способы сосуществования Инициативы пояса и пути с её собственной Индо-Тихоокеанской стратегией [Кавасима, 2018, с. 32–34]. Насколько на практике возможно подобное сосуществование двух по большей части противоречащих друг другу стратегий и готовы ли будут китайское и японское правительства сделать реальные шаги по сближению курсов двух стран, покажет время. Наиболее вероятно, что мы и в будущем будем видеть ограниченное улучшение отношений Китая и Японии, в выгодных обоим странам формах, не перетекающее тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзию дэ хиракарэта индо тайхэйё сэнряку : [Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства] // МИД Японии. 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (дата обращения: 12.05.2019).

Кавасима С. Ниттю канкэй [кайдзэн] э но тои : [Японо-китайские отношения: вопрос об «улучшении»] // Гайко. Ноябрь-декабрь 2018. № 52. С. 28–35.

«Кёсо кара кёрёку э» Ниттю сюсё «синданкай» дэ итти : [«От соперничества к сотрудничеству» лидеры Японии и Китая договорились о «новом этапе»] // Никкэй симбун. 26.10.2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO36941740V21C18A0MM0000/> (дата обращения: 12.05.2019).

Нитта Т. Тюгокуга тэйсёситэ Зсюнэн о мукаэта итта итиро : [Развитие выдвигаемого Китаем «одного пояса, одного пути» за 3 года] // Син кококу кэйдзай [Экономика развивающихся стран]. 26.09.2016. С. 1–11.

Ниттю канкэй но кайдзэн ни мукэта ханасиаи : [Переговоры, нацеленные на улучшение японо-китайских отношений] // МИД Японии. 07.11.2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_000789.html (дата обращения: 12.05.2019).

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Восточная литература, 2015. 279 с.

Сэгути К. Тюгоку кэйдзайва антэйходзи кара юруякана гэнсоку кёкумэн э : [Китайская экономика из стабильной переходит к относительно замедлению] / The Cannon Institute for Global Studies. 10.12.2018. 13 с. URL: http://www.canon-igs.org/column/181210_seguchi.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

Сэнкакүсёто сюхэн кайки ниокэру тюгоку оякэсэнтонто доко то вагакуни но тайсё : [Тенденции изменения количества китайских кораблей, которые заходят в территориальное море островов Сэнкаку, и ответные меры, которые предпринимает Япония] // Береговая охрана Японии. 29.02.2020. URL: <https://www.kaiho.mlit.go.jp/mission/senkaku.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Сю кин пэй тоно ниттю сюно кайдан – юсёку кай : [Японо-китайская встреча на высшем уровне и официальный ужин с Председателем КНР Си Цзиньпином] // МИД Японии. 23.12.2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (дата обращения: 15.03.2020).

Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. Торкунова А.В., Стрельцова Д.В. М.: Аспект Пресс, 2019. 432 с.

Хэйсэй 30нэнбан бэй хакусё : [Белая книга по обороне 2018] / Министерство обороны Японии. 2018. 544 с.

Ямамото Ё. Тюгоку но тайто то кокусай тицудзё но кантэн кара мита «иттай итиро» : [«Один пояс, один путь» с точки зрения возвышения Китая и мирового порядка] // PHP Policy Review. 2015. Vol. 9. No. 70. 20 p.

Abe and Xi agree to promote new economic cooperation amid U.S. trade war fears // The Japan Times. 26.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/26/national/politics-diplomacy/shinzo-abe-li-keqiang-agree-promote-economic-cooperation-amid-u-s-china-trade-war/> (дата обращения: 12.05.2019).

Abe calls for cooperation, not competition, in China relations // The Asahi Shimbun. 26.10.2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201810260033.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress // The Japan Times. 06.09.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (дата обращения: 12.05.2019).

Aoyama R. Japan's balancing act tours Beijing // East Asia Forum. 25.10.2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/10/25/japans-balancing-act-tours-beijing/> (дата обращения: 12.05.2019).

Callahan W. China's "Asia Dream": The Belt Road Initiative and the new regional order // Asia Journal of Comparative Politics. 2016. Vol. 1(3). P. 226–243. DOI: 10.1177/2057891116647806

Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks / International Crisis Group Report. Asia Report №245. 8 April 2013. 59 p.

East China Sea: Preventing Clashes from Becoming Crises / International Crisis Group Report. Asia Report №280. 30 June 2016. 24 p.

Gao C. China-Japan Relations Move Toward a 'New Start' // The Diplomat. 15.11.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/china-japan-relations-move-toward-a-new-start/> (дата обращения: 12.05.2019).

Harris T. 'Quality Infrastructure': Japan's Robust Challenge to China's Belt and Road // War on the Rocks. April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 12.05.2019).

Heisei 30 nenban boei hakusho : [Defense White Paper 2018], Japan Ministry of Defense, 2018. 544 p.

Hughes C.W. Japan's 'Resentful Realism' and Balancing China's Rise // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9, Issue 2. P. 109–150. DOI: 10.1093/cjip/pow004

Japan and China hold first meeting on defense hotline // Nikkei Asian Review. 28.12.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-and-China-hold-first-meeting-on-defense-hotline> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan announces longer-range cruise missile development // The Mainichi. 19.03.2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190319/p2g/00m/0fp/064000c> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan-China communications start up to avoid air, sea clashes // The Asahi Shimbun. 08.07.2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201806080061.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan-China Public Opinion Survey 2018 / The Genron NPO. October, 2018. 44 p. URL: <http://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).

Japanese submarine conducts first drills in South China Sea // Reuters. 17.09.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southchinasea-submarine/japanese-submarine-conducts-first-drills-in-south-china-sea-idUSKCN1LX07S> (дата обращения: 12.05.2019).

Madnan T. The Rise, Fall, and Rebirth of the 'Quad' // War on the Rocks. 16.11.2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/11/rise-fall-rebirth-quad/> (дата обращения: 12.05.2019).

Nagy S. Is Trump Pushing China and Japan Together? Not Quite // China-US Focus. 06.11.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-trump-pushing-china-and-japan-together-not-quite> (дата обращения: 12.05.2019).

Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions / International Crisis Group Report. Asia Report № 258. 24 July 2014. 46 p.

Pugliese G. China-Japan Summit Under the Shadow of Trump // US-China Focus. 31.10.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/china-japan-summit-under-the-shadow-of-trump> (дата обращения: 12.05.2019).

Pugliese G., Insiassa A. Sino-Japanese Power Politics: Might, Money and Minds. London: Palgrave Macmillan, 2017. 146 p.

Quad, like sea foam, will dissipate soon: China // The Times of India. 08.03.2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/quad-move-will-dissipate-like-sea-foam-china/articleshow/63221055.cms> (дата обращения: 12.05.2019).

Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech to world leaders // South China Morning Post. 26.04.2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3007758/xi-jinping-delivers-shorter-belt-and-road-forum-keynote> (дата обращения: 12.05.2019).

Takahara A. Forty-four Years of Sino-Japanese Diplomatic Relations Since Normalization // China-Japan Relations in the 21st Century. Antagonism Despite Interdependency / ed. by L.P. Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–66.

Takahara A. The Abe-Xi Summit of 2018: A View from Japan // The Asan Forum. 08.11.2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-japan-2/> (дата обращения: 12.05.2019).

The Shangri-La Dialogue - Keynote Address by Prime Minister Abe // Prime Minister of Japan and His Cabinet. 30.05.2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html (дата обращения: 12.05.2019).

U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea // Reuters. 09.05.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/u-s-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (дата обращения: 12.05.2019).

Xi Jinping Meets with Special Envoy of Prime Minister Toshihiro Nikai of Japan // The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. 26.04.2019. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0426/c22-1256.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Zhu F. The Abe-Xi Summit of 2018: A View from China // The Asan Forum. 08.11.2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-china/> (дата обращения: 12.05.2019).

REFERENCES

Aoyama, R. (2018). Japan's balancing act tours Beijing, *East Asia Forum*. October 25, 2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/10/25/japans-balancing-act-tours-beijing/> (accessed: 12 May 2019).

Callahan, W. (2016). China's "Asia Dream": The Belt Road Initiative and the new regional order, *Asia Journal of Comparative Politics*, 1(3): 226-243. DOI: 10.1177/2057891116647806

Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks. (2013). *International Crisis Group Report*, Asia Report №245, 8 April 2013.

East China Sea: Preventing Clashes from Becoming Crises. (2016). *International Crisis Group Report*, Asia Report №280, 30 June 2016.

Gao, C. (2017). China-Japan Relations Move Toward a 'New Start', *The Diplomat*, November 15, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/china-japan-relations-move-toward-a-new-start/> (accessed: 12 May 2019).

Harris, T. (2019). 'Quality Infrastructure': Japan's Robust Challenge to China's Belt and Road, *War on the Rocks*, April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road/> (accessed: 12 May 2019).

Heisei 30 nenban boei hakusho [Defense White Paper 2018]. (2018). Japan Ministry of Defense, 2018.

Hughes, C.W. (2016). Japan's 'Resentful Realism' and Balancing China's Rise, *The Chinese Journal of International Politics*, 9(2): 109–150. DOI: 10.1093/cjip/pow004

Japan-China Public Opinion Survey 2018. (2018). The Genron NPO, October, 2018. URL: <http://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (accessed: 12 May 2019).

Kawashima, S. (2018). Nicchu kankei "kaizen" e no toi [Japan-China Relations: Issue of "Improvement"], *Gaiko*, November-December 2018, 52: 28–35.

Madnan, T. (2017). The Rise, Fall, and Rebirth of the 'Quad', *War on the Rocks*, November 16, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/11/rise-fall-rebirth-quad/> (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2014). Nicchu kankei no kaizen ni muketa hanashiai [Negotiations aimed at improvement of Japan-China relations]. November 7, 2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_000789.html (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2017). Jiyude hirakareta indo taiheiyo senryaku [Free and Open Indo-Pacific Strategy]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019). Nicchu shuno kaidan • yushoku kai [Japan-China Summit and Official Dinner]. June 27, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_005086.html (accessed: 15 March 2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019). Shu Kin Pei Kokka Shuseki tonon nicchu shuno kaidan – yushoku kai [Japan-China Summit and Official Dinner with President Xi Jinping]. December 23, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (accessed: 15 March 2020).

Nagy, S. (2018). Is Trump Pushing China and Japan Together? Not Quite, *China-US Focus*, November 6, 2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-trump-pushing-china-and-japan-together-not-quite> (accessed: 12 May 2019).

Nikkei Asian Review. (2018). Japan and China hold first meeting on defense hotline, October 28, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-and-China-hold-first-meeting-on-defense-hotline> (accessed: 12 May 2019).

Nikkei Shimbun. (2018). "Kyoso kara kyocho e" nicchu shusho "shin dankai" de icchi ["From Competition to Cooperation" Leaders of Japan and China Agreed on the "New Stage"]. October 26, 2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO36941740V21C18A0MM0000/> (accessed: 12 May 2019).

Nitta, T. (2016). Chugoku ga teisho shite 3 shunen o mukaeta ittai ichiro. [Three Years of Development of China's Proposed One Belt, One Road], *Shin kokoku keizai*, September 26, 2016: 1–11.

Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions. (2014). *International Crisis Group Report*, Asia Report № 258, 24 July 2014.

Prime Minister of Japan and His Cabinet. (2014). The Shangri-La Dialogue – Keynote Address by Prime Minister Abe. May 30, 2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html (accessed: 12 May 2019).

Pugliese, G. (2018). China-Japan Summit Under the Shadow of Trump, *US-China Focus*, October 31, 2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/china-japan-summit-under-the-shadow-of-trump> (accessed: 12 May 2019).

Pugliese, G., Insiasa, A. (2017). *Sino-Japanese Power Politics: Might, Money and Minds*. London: Palgrave Macmillan.

Reuters. (2018). Japanese submarine conducts first drills in South China Sea, September 17, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southchinasea-submarine/japanese-submarine-conducts-first-drills-in-south-china-sea-idUSKCN1LX07S> (accessed: 12 May 2019).

Reuters. (2019). U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea, September 9, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/u-s-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (accessed: 12 May 2019).

Seguchi, K. (2018). Chugoku keizai wa antei hoji kara yuruyakana gensoku kyokumen e [Chinese Economy slumps into certain slow-down from stable growth], *The Cannon Institute for Global Studies*, December 10, 2018. 13 p. URL: http://www.canon-igs.org/column/181210_seguchi.pdf (accessed: 12 May 2019).

South China Morning Post. (2019). Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech to world leaders, April 26, 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3007758/xi-jinping-delivers-shorter-belt-and-road-forum-keynote> (accessed: 12 May 2019).

Streltsov, D.V. (2015). *Vneshnepoliticheskie prioritety Yaponii v Aziatsko-Tihookeanskom regione* [Japan's Foreign Policy Priorities in Asia-Pacific]. Moscow: Vostochnaya literature, 2015. (in Russian)

Takahara, A. (2017). Forty-four Years of Sino-Japanese Diplomatic Relations Since Normalization, in L.P. Er (ed), *China-Japan Relations in the 21st Century. Antagonism Despite Interdependency*, Singapore: Palgrave Macmillan: 25–66.

Takahara, A. (2018). The Abe-Xi Summit of 2018: A View from Japan, *The Asan Forum*, November 8, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-japan-2/> (accessed: 12 May 2019).

The Asahi Shimbun. (2018). Abe calls for cooperation, not competition, in China relations. October 26, 2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201810260033.html> (accessed: 12 May 2019).

The Asahi Shimbun. (2018). Japan-China communications start up to avoid air, sea clashes, July 8, 2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201806080061.html> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Coast Guard. (2020). Senkakushoto shuhen kaiki niokeru chugoku oyakesento no doko to wagakuni no taisho [Trends of China's Vessels Intrusions into the Territorial Sea of Senkaku Islands and the Counter-Measures Taken by Japan]. February 29, 2020. URL: <https://www.kaiho.mlit.go.jp/mission/senkaku.html> (accessed: 15 March 2020).

The Japan Times. (2016). Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress. September 6, 2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Times. (2016). Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress. September 6, 2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Times. (2018). Abe and Xi agree to promote new economic cooperation amid U.S. trade war fears. October 26, 2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/26/national/politics-diplomacy/shinzo-abe-li-keqiang-agree-promote-economic-cooperation-amid-u-s-china-trade-war/> (accessed: 12 May 2019).

The Mainichi. (2019). Japan announces longer-range cruise missile development, March 19, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190319/p2g/00m/0fp/064000c> (accessed: 12 May 2019).

The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. (2019). Xi Jinping Meets with Special Envoy of Prime Minister Toshihiro Nikai of Japan, April 26, 2019. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0426/c22-1256.html> (accessed: 12 May 2019).

The Times of India. (2018). Quad, like sea foam, will dissipate soon: China, March 8, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/quad-move-will-dissipate-like-sea-foam-china/articleshow/63221055.cms> (accessed: 12 May 2019).

Torkunov, A.V., Streltsov, D.V. (2019). (eds) *Transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii i nacional'nye interesy Rossii* [The Transformation of International Relations in Northeast Asia and Russia's National Interests]. Moscow: Aspect Press, 2019. (In Russian).

Yamamoto, Y. (2015). Chugoku no taito to kokusai chitsujo no kanten kara mita "ittai ichiro" [One Belt One Road from the Perspective of China's Rise and International Order], *PHP Policy Review*, 9(70): 20 p. (In Japanese).

Zhu, F. (2018). The Abe-Xi Summit of 2018: A View from China, *The Asan Forum*, November 8, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-china/> (accessed: 12 May 2019).

Поступила в редакцию 12.05.2019

Received 12 May 2019

Для цитирования: Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

For citation: Kireeva A.A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaysko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko potepeniye i chto za nim stoit? [A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 21–47. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002